

у Кавабата связано с «классическими» городами — Киото и Камакура. Однако, подчеркнула К. Канаи, взгляд писателя на Японию был неоднозначным. По ее мнению, рассказ «Бухта „Лук“» хорошо иллюстрирует новый ракурс представления писателя о Японии.

После выступлений развернулась оживленная дискуссия. Заметно было стремление японских исследователей рассматривать творчество Ясунари Кавабата многогранно, в его связях не только с японской классической традицией, но и с идейно-художественными течениями XX в. как в японской, так и в мировой литературе. Участники дискуссии отмечали общее в художественном мире Кавабата с поэтическими идеями русских писателей-классиков. Внимание участников симпозиума привлекло выступление Каори Кавабата, профессора Токийского университета, сына знаменитого писателя, присутствовавшего на симпозиуме в качестве гостя. Он подчеркнул, что сравнительное изучение творчества Ясунари Кавабата и творчества, например, Чехова сулит исследователю новые открытия.

Симпозиум сделал важный шаг на пути понимания и освоения богатого творческого наследия большого, интересного, сложного и неоднозначного писателя. А развернувшаяся по докладом дискуссия открыла целый ряд новых проблем изучения этого наследия.

Советские участники симпозиума с благодарностью отметили четкую организацию симпозиума, дружелюбие, доб-

рожелательность и гостеприимство японских коллег. Поездка в Камакуру в дом-музей Ясунари Кавабата, встреча с вдовой писателя, а также литературное путешествие в Этигоюдзава, где была создана знаменитая повесть «Снежная страна», надолго останутся в памяти советских ученых.

И. А. Боронина, К. Рехо

Репрессированные японисты

Трагические для нашей страны 1937 и 1938 годы тяжело сказались и на советском японоведении. Пожалуй, наряду с китае- и корееведением оно пострадало в отечественном востоковедении наиболее сильно. Обстановка искусственно нагнетаемой шпиономании в сочетании с тогдашним характером отношений между СССР и Японией приводили к тому, что чуть ли не каждый человек, знавший японский язык и тем более бывавший в Японии, мог восприниматься как «японский шпион». За период с 1936 по 1938 г. было репрессировано не менее половины работавших в то время японоведов. Некоторые из них были потом освобождены, но большинство погибло.

Относительно масштабов репрессий можно привести два свидетельства. Сохранился оттиск коллективного письма группы ленинградских и московских японоведов¹, на котором Н. И. Конрад оставил пометы, касающиеся судеб упоминяемых там специалистов². Из

¹ Ответ на рецензию Н. П. Мацокина.— Библиография Востока. Вып. 8—9. Л., 1936.

² Автор благодарит Я. В. Василькова за возможность ознакомиться со списком Н. И. Конрада.

38 ученых Н. И. Конрад отмечает как пострадавших в 1937—1938 гг. 19. Однако судьба еще нескольких человек была Н. И. Конраду, вероятно, неизвестна, по крайней мере один из них, М. Лайне, был арестован. Лишь про восемь-девять человек, фигурирующих в письме, можно с уверенностью сказать, что они никогда не арестовывались. Другим свидетельством служит рассказ покойного Н. А. Сыромятникова о том, что, когда он в конце лета 1938 г. приехал из Владивостока в Ленинград поступать в аспирантуру, там не было почти никого из старого преподавательского состава: во всем университете остался лишь один квалифицированный специалист по японскому языку — А. А. Холодович³.

Мартиролог следует начать со старейшего русского японоведа Дмитрия Матвеевича Позднеева (1865—1937)⁴. Основная его деятельность протекала еще в дореволюционное время. Это был, пожалуй, первый у нас японовед-профессионал. Он окончил Восточный факультет Петербургского университета, был одним из организаторов Восточного института во Владивостоке, а в 1905—1906 гг. — его директором. В 1906—1910 гг. Д. М. Позднеев работал

в Японии, где стал организатором обучения японскому языку русских детей в православной миссии в Токио⁵. По возвращении в Россию он был назначен одним из руководителей Практической восточной академии в Петербурге, где его курсы японского языка слушали Е. Д. Поливанов, Н. И. Конрад и др.⁶.

Едва ли не первым в России Позднеев стал заниматься методикой преподавания японского языка⁷. Самое значительное сочинение Д. М. Позднеева — японо-русский иероглифический словарь⁸, до 50-х годов оставшийся наиболее полным из изданных для русских читателей японских словарей. В некоторых отношениях (число иероглифов, таблицы, классифицирующие ключи и фонетики иероглифов, таблицы хэнтайганы — нестандартных видов кандзи) словарь не имеет равных в СССР и сейчас.

В советское время роль Д. М. Позднеева в японоведении стала менее заметной, он перестал публиковаться, но его преподавательская деятельность в Академии им. Фрунзе и других учебных заведениях Москвы и Ленинграда продолжалась вплоть до ареста. Арестован он был 1 октября 1937 г. и уже

³ А. А. Холодович спасся, вероятно, потому, что основным местом его работы тогда был Институт языка и мышления Академии наук СССР (ныне Институт языкознания), коллектив которого сохранился почти полностью.

⁴ Дату смерти (1942 г.), приводимую в БСЭ и других изданиях, следует считать неверной.

⁵ См.: *Позднеев Д. М.* Материалы к вопросу о постановке начального изучения японского языка. Иокогама, 1908.

⁶ Сохранился литографированный курс: *Позднеев Д.* Грамматика разговорного японского языка. Конспект лекций, читанных в Практической восточной академии Императорского общества востоковедения в 1910—1911 уч. г. Издание для слушателей 1-го курса. СПб., (б. г.).

⁷ *Позднеев Д.* Программа начального изучения японского языка. СПб., 1908.

⁸ *Позднеев Д.* Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.

20 октября приговорен к расстрелу как «японский агент»⁹.

Чуть раньше, в июле 1937 г., был арестован и вскоре погиб другой востоковед старшего поколения — Алексей Иванович Иванов (1878—1937). Большинство его публикаций посвящено китайскому языку, но изучал он и японский. В 1912—1916 гг. проф. А. И. Иванов заведовал кафедрой японской филологии в Петербургском университете, передав ее затем Е. Д. Поливанову.

В востоковедении в предреволюционные годы наряду с петербургской школой важную роль играла и владивостокская школа, которая сохраняла свое влияние и в 20—30-е годы. Судьба этой школы была особенно печальной. Из ведущих преподавателей-японистов Восточного института во Владивостоке (существовал с 1899 г.) и созданного на его основе с 1920 г. Восточного факультета Дальневосточного университета почти все, кроме умершего в 1933 г. Е. Г. Спальвина, стали жертвами репрессий.

Самой заметной фигурой здесь был Николай Петрович Мацокин (даты жизни нам неизвестны). Он преподавал в Восточном институте с дореволюцион-

ных лет. Научные интересы Н. П. Мацокина были широкими: помимо чисто учебной литературы он публиковал исследования по религии и мифологии¹⁰, а также по грамматике японского языка¹¹. Он предпринял одну из первых попыток применить к японскому языку методы теоретической лингвистики 10—20-х годов. В начале 30-х годов Н. П. Мацокин переехал из Владивостока в Москву и преподавал в Московском институте востоковедения. Точные обстоятельства его ареста и гибели пока не выяснены.

Похожей была судьба двух ученых следующего поколения. Трофим Степанович Юркевич (1891—?) окончил Восточный институт в 1916 г.¹², а в 20-е годы преподавал там же. В 30-е годы он также переехал в Москву, где был одним из ведущих преподавателей японского языка. Его публикации имеют учебный характер¹³. В 20-е годы во Владивостоке, а в 30-е годы в Москве работал и Петр Семенович Ануфриев, автор брошюры о японской русистике¹⁴ и учебника¹⁵. Оба погибли. Погиб и автор библиографических работ по Японии, заведующий библиотекой Восточного факультета в 20-е годы Зотик Николаевич Матвеев (1889—?).

⁹ Об этом говорилось по ленинградскому телевидению 6 апреля 1989 г.

¹⁰ *Мацокин Н. П.* Японский миф об удалении богини Аматаэрасу в небесный грот и солнечная магия. Владивосток, 1921.

¹¹ *Мацокин Н. П.* Очерк морфологии настоящего времени японского глагола. Владивосток, 1929.

¹² Биографические сведения о выпускниках Восточного института и Дальневосточного университета см.: Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института. Владивосток, 1913; Восточная студия. Владивосток, 1924.

¹³ *Юркевич Т. С.* Пособие к изучению разговорного японского языка для начинающих. Владивосток, 1923; Учебник японского языка. Курс 1-й. М., 1933.

¹⁴ *Ануфриев П. С.* Современное состояние изучения русского языка в Японии. Владивосток, 1928.

¹⁵ *Ануфриев П. С.* Пособие для изучения японского книжного языка. Ч. I. Владивосток, 1929.

К владивостокской школе относился и Константин Андреевич Харнский (1884—1940), окончивший в 1914 г. офицерские курсы при Восточном институте. В отличие от других владивостокских японоведов основные его интересы лежали в области изучения современной Японии, а также японской истории¹⁶. Известен К. А. Харнский и как китаевед. В 30-е годы он заведовал кафедрой экономики и политики стран тихоокеанского бассейна ДВГУ. В сентябре 1937 г. он также был арестован и погиб в лагере.

К началу 30-х годов большинство преподавателей покинуло Дальневосточный университет, обстановка в котором становилась все более тяжелой. Одним из немногих оставшихся старых преподавателей был Николай Петрович Овидиев (1891—1937?), окончивший Восточный институт в 1918 г., а после четырех лет пребывания в Японии и года работы в Иркутском университете преподававший в Дальневосточном университете в 1924—1937 гг. Ему принадлежит первый в советской японистике очерк языковой ситуации в Японии¹⁷. В 30-е годы он уже не мог печататься, его работа по предикации глагола была осуждена как не соот-

ветствовавшая «новому учению о языке» Н. Я. Марра и, видимо, не сохранилась.

Другим основным преподавателем Дальневосточного университета в 30-х годах был Фёклин (нам неизвестны даже его имя и отчество). Учившийся у них Н. А. Сыромятников высоко оценивал обоих преподавателей. В 1937 г. они были арестованы и погибли. К концу 30-х годов преподавательский состав Дальневосточного университета почти полностью сменился, однако просуществовал он недолго. В 1939 г. университет был вообще закрыт, а его богатая библиотека, собиравшаяся десятилетиями, уничтожена.

Бесспорно, одной из самых тяжелых потерь для японоведения была гибель великого ученого-революционера Евгения Дмитриевича Поливанова (1891—1938). Не вдаваясь в исследование деятельности ученого¹⁸, упомянем лишь о главном его вкладе в японоведение. Е. Д. Поливанов был автором первого в мировой науке описания фонологии японского языка¹⁹, создателем японской акцентологии²⁰ и исторической фонетики²¹, первым исследователем японских диалектов²², автором гипотезы о родстве японского языка с ма-

¹⁶ Харнский К. А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926.

¹⁷ Овидиев Н. П. Современное состояние литературного японского языка. Владивосток, 1928.

¹⁸ Из уже довольно многочисленной литературы о нем отметим последнюю и самую полную биографию: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.

¹⁹ Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М, 1930, с. 144—166.

²⁰ См. там же, с. 166—176.

²¹ Поливанов Е. Д. Историко-фонетический очерк японского консонантизма.— Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т. 4. М., 1931.

²² Поливанов Е. Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917.

лайско-полинезийскими²³, создателем принятой в советской японистике русской транскрипции японских названий²⁴. Из всех наших японистов Е. Д. Поливанов наряду с Н. А. Невским и Н. И. Конрадом наиболее высоко оценивается в Японии, где издан том его трудов²⁵.

Преследования Е. Д. Поливанова начались с 1929 г., когда он бросил вызов всесильному и поддерживаемому сверху Н. Я. Марру, раскритиковав его антинаучное учение. С того времени он не имел нормальных условий для работы. В том же году ему пришлось уехать в Среднюю Азию, где его продолжали травить, несколько лет продолжалась печатная ругань; с 1931 г. Е. Д. Поливанов потерял возможность печататься в Москве и Ленинграде. Многие его труды, в том числе японоведческие (большая часть «Исторической фонетики», этимологический словарь, большинство материалов по диалектам), не были опубликованы и частично пропали. Ряд работ сохранился в Архиве литературы и искусства в Праге и ждет издания.

Поливанов был арестован 1 августа 1937 г. во Фрунзе, где жил с 1934 г., и вскоре отправлен в Москву на Лубянку. За полгода состоялось лишь два допроса, на втором из них, 15 октября, Поливанов дал показания о том, что якобы был японским шпио-

ном, завербованным еще во время посещения Японии в 1916 г. В подписи едва узнается почерк Поливанова; по видимому, она получена после пыток. 25 января 1938 г. состоялся суд, на котором Поливанов отказался от прежних показаний, поскольку он дал их под пытками. Но суд не стал его слушать и приговорил за «шпионаж» к расстрелу. В тот же день (или, если верить одному из документов, 28 января) приговор был приведен в исполнение²⁶.

Другой тяжелейшей потерей была гибель Николая Александровича Невского (1892—1937). Этот крупнейший востоковед, за свои труды спустя много лет после смерти удостоенный Ленинской премии, не был, как и Е. Д. Поливанов, чистым японоведом и оставил след во многих дисциплинах. Но Япония всегда занимала в его деятельности особое место. Окончив в 1914 г. Петербургский университет, Н. А. Невский в 1915 г. уехал стажироваться в Японию, где в силу обстоятельств прожил до 1929 г. После возвращения в Ленинград он преподавал японский язык в Ленинградском восточном институте, а затем в ЛГУ.

К сожалению, Н. А. Невский не так много написал о Японии, а из написанного мало что смог опубликовать при жизни. После возвращения на родину он издал лишь две небольшие

²³ Поливанов Е. Д. Одна из японо-малайских параллелей.— Известия Российской Академии наук. Серия VI. Т. XII. Пг., 1918, № 18.

²⁴ Поливанов Е. Д. О русской транскрипции японских слов.— Труды японского отдела Императорского общества востоковедения. Вып. 1. Пг., 1917.

²⁵ Поливанов Е. Д. Нихонго кэнкю (Исследования японского языка). Токио, 1976.

²⁶ Автор благодарит Ф. Д. Ашнина за ознакомление с материалами следственного дела Е. Д. Поливанова.

статьи по японскому языку²⁷, учебник совместно с Е. М. Колпакчи²⁸ и несколько переводов²⁹. Сохранились собранные им многочисленные материалы по языку, фольклору и этнографии о-вов Рюкю, прежде всего группы о-вов Мияко, где Н. А. Невский бывал в 1922, 1926 и 1928 гг. первым из европейских исследователей. Часть материалов, в основном записи фольклорных текстов, была посмертно издана³⁰. Остаются неопубликованными словарь диалекта Мияко, записи других рюкюских диалектов, наброски исследований по их сравнительной фонетике и грамматике. По-видимому, в 1936—1937 гг. Н. А. Невский начал писать большой труд по данной теме. К этому времени относится и начало работы по японской исторической фонетике, о чем свидетельствуют относящиеся к этим годам конспекты японских источников и фрагменты текста.

Не позднее 3 октября 1937 г. (к этому дню относится приказ о его увольнении из академического Института востоковедения) Н. А. Невский был арестован. Поскольку он долго жил в Японии и был женат на японке (жена его также погибла), Н. А. Невский был объявлен «резидентом японской

разведки» в Ленинграде. В его в целом обстоятельно изученной биографии³¹ белым пятном остается период с октября 1937 г. О нем существовали устные рассказы и легенды, многие из которых недостоверны. Как следует из справки, присланной обществу «Мемориал» из УКГБ по Ленинграду, уже 24 ноября 1937 г. Н. А. Невского расстреляли. Официальная дата его смерти — 12 февраля 1945 г.— неверна.

Согласно Н. И. Конраду, погиб и ряд других японистов, в большинстве преподавателей языка или практических работников; биографические сведения и обстоятельства гибели некоторых из них еще предстоит выяснить. В 1939 г. в тюремной больнице умер Даниил Михайлович Скляров (1907—1939), занимавшийся проблемами экономики³². В мае 1937 г. был арестован сотрудник академического Института востоковедения, заведующий сектором истории культур и искусств Востока в Эрмитаже, коммунист Дмитрий Петрович Жуков (1904—1937) — один из авторов первого в СССР отраслевого японского словаря, изданного под редакцией Н. И. Конрада³³. 24 ноября 1937 г. он был расстрелян. Другой автор словаря, преподаватель Ака-

²⁷ *Невский Н. А.* Представление о радуге как о небесной змее (этимология японского слова «нидзи»). — С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934; *Он же.* От «Московии» к СССР. — Записки Института востоковедения АН СССР. Т. V. Л., 1935.

²⁸ *Колпакчи Е. М., Невский Н. А.* Японский язык. Начальный курс. Л., 1934.

²⁹ Культурная поэзия древней Японии. VII—VIII вв. Перевод с японского, вступительная статья и примечания Н. А. Невского. — Восток. М., 1935.

³⁰ *Невский Н. А.* Фольклор островов Мияко. М., 1978.

³¹ См.: *Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.* Николай Александрович Невский. М., 1978; *Като Кюдзо.* Тэн-но хэби (Небесная змея). Токио, 1976.

³² *Скляров Д. М.* Экономическая политика японского империализма в Маньчжурии. М.—Л., 1932; Л., 1934.

³³ *Жуков Д. П., Манзгур В. И.* Военный японско-русский словарь. М., 1935.

демии им. Фрунзе Борис Израилевич Язгур (Манзгур) (1903—1941) погиб позже других: арестован в апреле 1940 г. и 15 июля 1941 г. расстрелян. Погиб Андрей Алексеевич Лейферт, выпускник Дальневосточного университета (поступил в 1923 г.), составивший первый в советское время иероглифический японский словарь³⁴. Совместно с Я. Мексиним он занимался пересказом по-русски японских сказок³⁵, а иногда выступал как художник: им оформлена изданная в Японии книга Е. Г. Спальвина³⁶. Погиб Михаил Иванович Покладек (псевдоним — Асик), преподававший в специальных учебных заведениях и руководивший составлением одного из выпущенных массовым тиражом учебников японского языка³⁷. Авторами другого учебника были П. А. Гушо и Г. С. Горбштейн³⁸, которые также были репрессированы. П. А. Гушо, в 30-е годы возглавлявший кафедру в Московском институте востоковедения, после отбытия пятилетнего срока получил разрешение пойти на фронт в штрафном батальоне и погиб. Г. С. Горбштейн умер в заключении. Среди погибших японистов был и Ян Петрович Преман, старый коммунист, в 30-е годы один из организато-

ров востоковедения. Он занимался проблемами японской экономики, однако не успел опубликовать крупных работ. Его жена, О. Бобкова, преподавательница японского языка, по свидетельству Н. И. Конрада, провела 15 лет в лагерях и ссылках. Был также арестован московский японовед М. Лайне, судьба которого неизвестна.

Несколько японистов помимо упомянутой О. Бобковой возвратились в 50-е годы после многих тяжелых испытаний. Владимир Михайлович Константинов (1903—1967) до ареста несколько лет работал в Японии, потом был одним из авторов учебника под редакцией М. Асика. В заключении находился с 1937 или 1938 по 1954 г., несколько лет на положении смертника. В отличие от других ученых с аналогичной судьбой В. М. Константинов сумел после возвращения активно включиться в работу, его основные публикации относятся к последнему десятилетию жизни³⁹.

Среди других японистов, проведенных много лет в тюрьмах, лагерях и ссылках, можно назвать преподавателя языка и первого переводчика Ихару Сайкаку⁴⁰, Александра Леонтьевича Клетного (по данным Н. И. Конрада, он

³⁴ Лейферт А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. М., 1935.

³⁵ Длинное имя. М., 1929; Страна дураков. М., 1929; Три тёлки. М., 1929.

³⁶ Супаруин. Ёкомэ-дэ мита нихон. Токио, 1931.

³⁷ См.: Асик М. Японский справочник по тактике. М., 1934; Ольгин А., Аирский М., Тишинский Н., Шмидт В., Мицуя К. Курс японского языка в трех циклах. Под ред. М. Асика. М., 1935. Авторы учебника использовали псевдонимы. М. Аирский — псевдоним В. М. Константинова, о других нам ничего не известно.

³⁸ Гушо П., Горбштейн Г. Учебник японского языка. Ч. 1—2. М., 1934—1937.

³⁹ Оросиякоку суймудан (Сны о России). Изд. текста, пер., вступ. статья и коммент. В. М. Константинова. М., 1961; Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. Пер., коммент. и приложения В. М. Константинова. М., 1978.

⁴⁰ Ихару Сайкаку. Повесть о календарнике — XVII век. Пер. с яп., вступительная статья и примечания А. Л. Клетного. — Восток. Л., 1935.

был лишен свободы в течение 20 лет) и ленинградку Генриетту Германовну Иммерман (1938—1955, р. в 1906 г.), в 1936—1938 гг. работавшую секретарем японского кабинета ИВ АН СССР, а после реабилитации — переводчиком японской художественной литературы⁴¹.

Судьба некоторых японоведов была не столь трагической, но и они были на несколько лет оторваны от работы и нормальной жизни, испытали унижение допросов, а иногда и пытки.

К числу таких людей относился Николай Иосифович Конрад (1891—1970), который наряду с Е. Д. Поливановым и Н. А. Невским был классиком отечественного японоведения⁴². К моменту ареста он был членом-корреспондентом АН СССР, заведующим кафедрой японского языка в ЛГУ. По сравнению с другими ленинградскими японистами Н. И. Конрада арестовали одним из последних 29 июля 1938 г. по обвинению в связи с Н. А. Невским и другими ранее арестованными учеными. По воспоминаниям его товарища по несчастью, учителя Н. И. Воротынцева, он был отправлен в лагерь около г. Канска Красноярского края, где провел зиму 1938/39 г. Как пишет Н. И. Воротынцев, в течение некоторого времени Конрад выполнял тяжелую работу на сортировке леса. Затем Н. И. Воротынцев и другие заключенные из той же бригады, жалея профессора (так все его называли в лагере), пере-

вели Н. И. Конрада на более легкую работу по очистке железнодорожной стрелки от снега. Там Н. И. Конрад мог работать один, не слыша мата уголовников и используя в качестве орудия труда лом-пешню. Вспоминает Н. И. Воротынцев и о том, что Н. И. Конрад был всегда доброжелателен к другим заключенным, делился с ними продуктовыми посылками.

В лагере Н. И. Конрад пробыл недолго. В результате хлопот его жены Н. И. Фельдман (тоже известной японистки, которая не арестовывалась), обращавшейся к президенту Академии наук В. Л. Комарову, он был переведен в закрытое учреждение для заключенных, где мог работать с японским и китайским языками (в аналогичных учреждениях уже после войны работали и упомянутые выше В. М. Константинов и А. Л. Клетный). В начале войны хлопотать за своего бывшего учителя стал тогдашний начальник Военного факультета Московского института востоковедения (МИВ), обратившийся в еще более высокие инстанции. 6 сентября 1941 г. Н. И. Конрад был освобожден и вернулся к научной деятельности.

В период массовых репрессий в Ленинграде были арестованы и две видные японистки, ученицы Н. И. Конрада, Евгения Максимовна Колпакчи (1902—1952) и Анна Евгеньевна Глускина (р. в 1904 г.). Е. М. Колпакчи была автором ряда работ по японскому

⁴¹ *Сата Инэко*. Пока не угаснет пламя. Роман. Рассказы. Пер. с яп. Г. Иммерман. М., 1960.

⁴² Подробно о деятельности ученого см., например: Выдающийся ученый Н. И. Конрад.— Историко-филологические исследования. Памяти академика Н. И. Конрада. М., 1974.

языку, в том числе краткого, но содержательного описания его строя⁴³, а также упоминавшегося выше учебника, написанного совместно с Н. А. Невским. А. Е. Глушкина специализировалась на изучении классической литературы, выступала с переводами⁴⁴. Обе провели в тюрьме около года (Колпакчи — с 14.02.1938 по 1.02.1939 г.), затем были освобождены. Наиболее известные их труды относятся к более позднему времени⁴⁵.

В числе пострадавших был также специалист по Японии писатель Роман Николаевич Ким (1899—1967), до ареста в основном занимавшийся японской культурой и литературой⁴⁶. По данным Н. И. Конрада, Р. Н. Ким пробыл в заключении девять лет. С 1950 г. Роман Николаевич Ким вновь начал публиковаться.

Пробыли некоторое время в заключении выпускник Дальневосточного университета Константин Алексеевич Попов (1903—1990), впоследствии став-

ший видным исследователем и переводчиком древнеяпонских памятников⁴⁷, преподавательница Московского института востоковедения Марьям Самойловна Цын, как и К. А. Попов и В. М. Константинов, участвовавшая в составлении Большого японо-русского словаря⁴⁸ (находилась в заключении до 1943 г.), Степан Федорович Зарубин (около года — в 1938—1939 гг.), после войны долго преподававший в МИВ и МГИМО, составивший вместе с А. Е. Глушкиной русско-японский словарь⁴⁹, преподаватель Виктор Воронин (3 года), отошедший затем от японоведения. Студенткой была арестована и пробыла четыре года на Колыме Ирина Львовна Иоффе (Львова, 1915—1989), позднее известный литературовед и переводчик⁵⁰. Рассказывают, что причиной ареста стали ее слова в студенческой аудитории о том, что Н. А. Невский не мог быть шпионом.

Наконец, следует назвать имена тех японоведов, чья судьба нам пока неиз-

⁴³ *Колпакчи Е. М.* Строй японского языка. Л., 1936.

⁴⁴ *Дзэнтюку.* Ян Гуй-фэй — драматическая поэма XV века. Пер. с яп. и вступ. статья А. Е. Глушкиной. — Восток. Л., 1935; Из японских поэтических антологий XIII века. Пер. с яп. А. Е. Глушкиной. — Там же. В сборнике участвовала и Е. М. Колпакчи (пер. Сэй сёнагон).

⁴⁵ *Колпакчи Е. М.* Очерки по истории японского языка. Морфология глагола. М., 1956; Манъёсю. Пер. с яп., вступ. статья и коммент. А. Е. Глушкиной. Т. 1—3. М., 1971—1972.

⁴⁶ *Ким Р.* Ноги к змее. — *Пильняк Б. А.* Корни японского солнца. М., 1927; *он же.* Три дома напротив, соседних два (описание литературной Японии). М., 1934.

⁴⁷ *Идзумо-фудоки.* Пер., коммент. и предисл. К. А. Попова. М., 1966; *Древние фудоки.* Пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М., 1969.

⁴⁸ *Большой японо-русский словарь.* Под редакцией Н. И. Конрада. Т. 1—2. М., 1970. Н. И. Конрад (посмертно), К. А. Попов и М. С. Цын вместе с другими авторами словаря получили в 1972 г. Государственную премию.

⁴⁹ *Русско-японский словарь.* Сост. А. Е. Глушкина и С. Ф. Зарубин. М., 1950.

⁵⁰ *Иоффе И. Л., Пинус Е. М.* Японская литература. — Литература Востока в средние века. Ч. 1. М., 1970; *Тикамацу Мондзаэмон.* Драм. Сост. пер., вступ. статья и примеч. В. Марковой и И. Львовой. М., 1963; *Исикава Тацудзо.* Тростник под ветром. Пер. и предисл. И. Львовой. М., 1970; *Охара Томизэ.* Ее звали О-эн. Пер. И. Львовой. М., 1973.

вестна. След их теряется около 1937 г. или еще раньше. Может быть, кто-то из читателей сможет сообщить о них какие-либо сведения. Е. С. Нельгин, автор вышедшей в 1922 г. в Иркутске грамматики старописьменного языка; автор вышедшего в 1937 г. военного русско-японского и японско-русского словаря А. С. Игар; один из авторов вышедшего в Ленинграде в 30-е годы словаря служебных элементов японского языка Н. Дмитриук; выпускники Дальневосточного университета Г. А. Питаде (1900—?) и К. С. Сокольникова (1903—?), работавшие в середине 30-х годов в Москве или Ленинграде; японоведы — ленинградка В. Животова и А. Беленький.

Многие печальные страницы отечественного японоведения еще не исследованы. Необходимо как можно скорее восстановить все факты. Данная статья — одна из первых, поэтому в ней неизбежны ошибки и неточности, за которые автор заранее приносит извинения читателям⁵¹.

В. М. Аллатов

Защита диссертаций

Бугаева Д. П. Развитие японской критики и документальной литературы на рубеже XIX—XX вв.; творчество Таоки Рэйуна. Ленинград, ЛГУ, 1987 (докт. дис.).

Автор анализирует историко-культурные факторы, определяющие формирование критики после революции Мэйдзи, рассматривает условия развития личности Таоки Рэйуна и его лите-

ратурной деятельности, общественно-литературную ситуацию во время и после японо-китайской войны и ту роль, которую сыграл на этом этапе Таока Рэйун как продолжатель прогрессивной линии критики. В работе прослеживается процесс постепенного отхода критика от литературных проблем и перемещения его интересов в сферу общественной критики. Вторая часть диссертации посвящена рассмотрению истоков формирования документальных жанров в эпоху Мэйдзи, а также жанровых особенностей, истории создания и идейного содержания четырех сочинений Таоки Рэйуна.

Вовин А. В. Язык японской прозы второй половины XI в., Л. ЛГУ, 1987 (канд. дис.).

В диссертации предпринята попытка исследования и описания особенностей языка японской прозы второй половины XI в., изученного значительно меньше, чем язык прозаических памятников первой половины указанного века. Автор приводит основные сведения об источниках исследования — время их создания, авторство, структуру, описывает особенности фонетики языка японской прозы второй половины XI в. Кроме того, рассматривается генетический состав лексики языка прозы, составленной из исконной лексики и заимствований из санскрита, китайского и корейского языков. Особое место отводится описанию сверхкласса имен, включающих в себя три класса слов: существительные, местоимения и числительные, и сверхкласса глаголов, mnoho превосходящих по богатству форм сверхкласс имен. Кроме того, рас-

⁵¹ В статье использованы данные подготовленного обществом «Мемориал» списка репрессированных востоковедов, публикуемого журналом «Народы Азии и Африки».